

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО И А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Кадимов Р.Г.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет»,
Махачкала, e-mail: ruslankadimov@mail.ru

Паронимическая аттракция в творчестве В. Маяковского и А. Вознесенского. Способ организации и упорядочения языкового материала создает основу произведения искусства – стиль и внутреннюю поэтику. Обращение к звуковой организации художественных текстов расширяет представление об экспрессивных и стилистических ресурсах поэтического текста. В последнее время вопросам всестороннего изучения текстов художественных произведений уделяется большое внимание. В связи с этим особый интерес вызывает проблема соотношения формы и содержания – звука и смысла – в поэтическом тексте. Двойственная природа слова издавна побуждала поэтов искать соответствия между двумя сторонами языкового знака, которые особенно тесно смыкаются при использовании сходнозвучных слов для извлечения смысловых эффектов – формы слов используются для того, чтобы вызвать дополнительные смысловые эффекты. Участвовавшие в поэзии факты сознательной семантизации разнокорневых созвучных слов побуждают исследователей всесторонне анализировать смысловые функции звуковых повторов и специфику экспрессивного средства художественной речи, которое обозначают термином паронимия, или паронимическая аттракция. Анализ творчества В. Маяковского и А. Вознесенского показывает, что их произведения буквально пронизаны установкой поэтов на извлечение дополнительных смысловых эффектов посредством сближения в контексте сходнозвучных слов. Можно утверждать, что прием паронимической аттракции в творчестве указанных и ряда других поэтов становится текстоформирующим и структурообразующим принципом. Но, несмотря на выход в свет целого ряда исследований, по-разному освещающих это сложное и интересное явление, паронимия до сих пор «остается наименее изученной областью в русском языкознании» и поэтике. Связи, которые устанавливаются паронимической аттракцией, всегда являются дополнительными и способствуют семантическому обогащению художественного текста.

Ключевые слова: паронимическая аттракция, литературное произведение, художественный текст, звук, смысл

THE PARONYMIC ATTRACTION IN V. MAYAKOVSKY'S AND A. VOZNESENSKY'S WORKS

Kadimov R.G.

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, e-mail: ruslankadimov@mail.ru

The paronymic attraction in V. Mayakovsky's and A. Voznesensky's works The way of organizing and sequencing a language material creates the basis for artworks. It consists of a style and internal poetics. Turning to the sound organization of literary texts expands understanding the expressive and stylistic resources of the poetic text. Recently the comprehensive study of the texts of artworks is in the spotlight. In this regard, the problem of the relation between the form and the content, the sound and the meaning, in a poetic text is of particular interest. The dual nature of the word has encouraged poets to search for matches between two sides of the linguistic sign since the early times. They are particularly tightly linked when using words with similar sounding to extract the semantic effects. The word forms are used to cause additional semantic effects. The more frequent facts of the conscious semantization of consonant words with different roots in poetry encourage researchers to analyze the semantic functions of the sound repeats and the specificity of the expressive means of the artistic speech, which is termed as the paronymy (paronomasia), or the paronymic attraction. The analysis of V. Mayakovsky's and A. Voznesensky's creativity shows that their works are literally permeated with these poets' aim to retrieve additional semantic effects by the convergence in the context of similar sounding words. It can be stated that the paronymic attraction device in the creativity of these and some other poets becomes a text- and structure-forming principle. But, despite the publication of several studies, illustrating this complex and interesting phenomenon in different ways, the paronymy (paronomasia) still «remains the least studied area in Russian linguistics» and poetics. The links made by the paronymic attraction are always auxiliary and contribute to the semantic enrichment of the artistic text.

Keywords: paronymic attraction, literary work, artistic text, sound, meaning

Ценность произведения искусства велика. В то же время, как известно, в любом произведении литературы – поэзии и прозе – нет ничего, кроме определенным образом организованного языка. Именно способ организации и упорядочения языкового материала создает основу произведения искусства – стиль и внутреннюю поэтику, которые связаны в свою очередь с вопросами о формах существования языка и способах

его использования, а также с «преломлением» языка через «структуру языковой личности» [6]. Обращение к звуковой организации художественных текстов расширяет представление об экспрессивных и стилистических ресурсах поэтического текста. Множество примеров из поэзии и прозы XX–XXI веков свидетельствует об активности и значимости некоторых фонических фигур, отмеченных, наряду с дру-

гими функциями, и текстоформирующими свойствами [5].

В настоящее время большое внимание уделяется вопросам всестороннего изучения текстов художественных произведений. В связи с этим особый интерес вызывает проблема соотношения формы и содержания – звука и смысла – в поэтическом тексте. Исследуются разные аспекты функционирования созвучных слов. Идеи, связанные с семантизацией звуков, привлекали внимание таких исследователей, как Ю. Тынянов, О. Брик, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, И. Бодуэн де Куртенэ, Е. Поливанов, Л. Якубинский, В. Шкловский, В. Виноградов, В. Григорьев и др. Этой же проблемой интересовались выдающиеся зарубежные ученые В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Я. Грим, Э. Сэпир, Д. Бонфанте, Ш. Балли, Ж. Вандриес, О. Есперсен, М. Граммон, С. Ульманн, Г. Кронассер и др.

Отмечаемые в поэтических текстах факты использования созвучных слов с 60–70 годов XX в. стали называть термином «паронимическая аттракция» (далее – ПА). Термины, относящиеся к паронимии, в последнее время получают широкое распространение. О том, что в отличие от синонимов, омонимов, антонимов, полисемии и т.д. паронимия остается менее изученной, писали все исследователи, так или иначе обращавшиеся к ней [8, 9]. Действительно, несмотря на выход в свет целого ряда исследований, по-разному освещающих это сложное и интересное явление, паронимия до сих пор «остается наименее изученной областью в русском языкознании» [1] и поэтике.

В данной статье мы также обращаемся к смысловым функциям звуковых повторов, в частности к поэтической семантизации созвучных слов. Сходнозвучные слова вполне правомерно рассматриваются и как традиционный источник речевых ошибок [4]. Но участвовавшее в поэтических текстах сознательное сближение паронимов (в данном случае – разнокорневых сходнозвучных слов) заставляет исследователей всесторонне анализировать специфику этого экспрессивного средства художественной речи, которое обозначают термином паронимия, или паронимическая аттракция. Слово «аттракция» обозначает притяжение (от лат. *attraho* – притягиваю к себе; франц. *attraction*, букв. – притяжение). Тяготение слов друг к другу и основанное на этом рождение образности может обнаруживаться на разных уровнях.

Двойственная природа слова издавна побуждала поэтов искать соответствия между двумя его сторонами – звуком и смыслом, формой и содержанием. Эти две стороны

языкового знака смыкаются особенно тесно в паронимии (использование сходнозвучных слов для извлечения смысловых эффектов: формы слов используются для того, чтобы вызвать дополнительные смысловые эффекты). В поэзии XX века связь звучания и смысла была осознана как самостоятельный прием – паронимическая аттракция (случаи типа: Трон тронулся (Горький); Отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси (Есенин); Акация пахнет и окна распахнуты; Ты на курсах, ты родом из Курска (Пастернак.); заносчивый нос; поразительный паразит (Маяковский); две изумительные изюминки; Как нам мещане мешали встретиться; Мне на шею с витрин твои вещи дешевые вешались (Вознесенский) и др.). Этот прием, имеющий корни в предшествующей поэзии, особенно активно использовался такими поэтами XX в., как В. Хлебников, В. Маяковский, М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Вознесенский и др., которые стали искать звуковым повторам семантическое подтверждение.

Во многих случаях паронимической аттракции именно формальный уровень (опережая содержательный) способствует появлению в тексте определенных слов и этим влияет на развертывание лирического сюжета. Действительно, «паронимы определяют положительно по формальному признаку, а по семантическому – отрицательно» [3]. Прием паронимической аттракции лежит в основе целого ряда образных сочетаний. Особенно это касается случаев, когда появляющееся слово оказывается менее ожидаемым с точки зрения содержания контекста. Слова появляются иногда «вопреки» содержанию контекста или являют содержания очень оригинальные (парадоксальные): «Первый неудачный проект кита» (Маяк.), «Сидит Чжан Цзо-лин со своей Чжан Цо-линией» (Маяк.), «Молиться – не дело Акулинье: у Акулины другая линия» (Маяк.).

В поэзии Маяковского много примеров паронимической аттракции, каждый из которых в определенном смысле является обнажением приема звуковых повторов. Индивидуальному стилю Маяковского свойственно сознательное сближение разнокорневых сходнозвучных слов для извлечения разнообразных семантических эффектов. Звуковая форма слова часто подсказывает поэту выбор другого слова. Кроме примеров типа «Пенится пенё. Пьянит толпу. Площади плещут», можно указать на многие другие контексты, насыщенные паронимическими сочетаниями: «Дым из-за дома догонит нас длинными дланями»; «Дамы мимо. Дым им! Дамы от дыма. За дамами дым»; «Вода за диваном. ...С дивана,

сдвинут воды задеванием, в окно проплыл чемодан»; «Икру! Каравай! Крой, накройвай». Паронимическими сочетаниями характеризуются многие контексты Маяковского в таких его поэмах, как «Про это» (Фразы крою по выкрикам выкройке»; «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!») (ср., например: «Кровь по ступенькам стекала на пол, стлыла с пылью пополам, и снова на пол каплями капала из-под пули Каплан».

Исключительной насыщенностью ПА отличаются тексты А. Вознесенского: «Дали девочке искорку. Не ириску, а искру, искру поиска, искру риска... В папироске сгорает искорка». На ПА построена целая строфа из «Вступления к поэме «Бой»: «Соболь – Сибирь? Сабля – Сибирь? Староверы – Сибирь? Сталевары – Сибирь?» (Ср. также строфу из стихотворения «Лешенька»: «Здесь Чайльд-Гарольды огородные на страх воронам и воярам. Здесь вместо радио – юродивый врет по утрам и вечерам»). Об эволюции ПА у Вознесенского свидетельствуют примеры включения в нее графических сокращений («Трефы – это похудевшие пики, вернее, их скелет. – А склет. Лоллобриджиде?»; «И два яблока в комнате, опыленных ДДТ, и т.д.»; «Мы – дети Ио! Мы – и.о. Ио мужчины, гибкие как ивы, мы ио...») и иноязычных слов, которые приводятся в кавычках («Засыпая, ты скажешь мне: «Дриминг...» «Дрема, дрема», – отвечу тебе»).

Нередки случаи, когда ПА является структурообразующим принципом целого текста. Звуковой формой ключевого слова может направляться ход лирического сюжета целого стихотворения. Так, в стихотворении Вознесенского «Мехико-сити» находим следующие словообразы: «В сетке москитной... Что ты просеешь, Мехико-сито? Из-под вуали спой, Карменсита: «Губы насытились – сердце не сыто». Любим через сито, поем через сито. Сыты по горло – сердце не сыто. Небо не сыто». Много слов, похожих по звучанию на одно из заглавных собственных имен находим в стихотворении «Мелодия Кирилла и Мефодия»: «Есть лирика великая – кириллица! ...белеет «Ш» в клавиатуре Гилельса – кириллица. «Ф» Забьет крылами, а хоровые клиросы – в кириллицу!» и др.

Часты случаи, когда звуковой формой ключевых слов определяются образные структуры развернутых фрагментов прозы. Так, в повествовании Вознесенского об английском скульпторе Генри Муре появляются следующие образы: «Мы проезжаем... по музею Мура. В мире нет подобных галерей... будто толпы пунктирных муравьев снуют по поверхности. Скульптуры стоят, похожие на серо-белые гигантские муравейники...

в муромских лесах... Антимир – мура... Мурка [соседка]... Мэрилин Монро». В повествовании о Муре несколько раз появляется лексема «хмурый»: «В нем чувствуется хмурая тьма и властная энергия... В парке Мура среди лужайки полулежа хмуро замер гигант с необъятными плечами и бусинкой головы – Илья Муромец его владений... Сумерничаю с Муром. Сумерничаю с Муром. Полдничаю с Павловым». Об архитекторе Павлове Вознесенский пишет: «Он расположился рядом с солнечным эскизом павловского павильона плавательного театра ... По лицу Павлова плавают свет. ... Рядом, фыркая, плывет Павлов. Он плывет саженьками... Мы отплываем, Павлов!».

На образную структуру развернутых фрагментов прозы может влиять даже звуковая форма одноконсонантного слова. Во многих словах приводимых ниже контекстов из повести Вознесенского «О» обнаруживаются звуки слова «осы» (графически выделено мной – Р.К.): «...известковые Остовы мертвых ОС; ПронОсятся ОСы фар, удлинённых скорОстью. ЛевОСтоннее движение сообщает страннОсть мыслям... донОсятся старая арофовая музыка... Она уходит к эпохе ОСсиана; ОСы, бессонные ОСы залетают в мое повествование... Меня мучают ОСы из классических сот исчезнувшего поэта ... ОСы заползают в розу в кабине роллс-ройса, «...ОСы тяжёлую розу сОСут...», ОСы, в которых проОсвечивает имя поэта. ОС ОСобенно много этой ОСенью. Имена проОступают, порой неОСознанно, сквозь произведения». В повести Вознесенского «О» важны не только звуковые повторы гласного «о», но и связанный с ним образ «черной дыры» и обыгрывание вторичных звуковых повторов, связанных уже с этим образом. Вся повесть насыщена словами, сходными в звучании со словом «дыра»: «Дура ты, дыра; дурная черная дыра; дурила; какая добрая это была дыра!» и многие другие.

В стихотворении «Возвращение в Сигулду» Вознесенский пишет: «тебя за щекой, как денежку, серебряно сберегу». Имеющее отношение к «денежке» (по смыслу относящееся к деньгам) слово «серебряно», оказавшись близкой по форме к слову «сберегу», «перетягивается» к нему и становится его квалификатором. В стихотворении Вознесенского «Языки» некоторые слова текста уподобляются заглавному слову: «У, языки клеветников, ... они язвивались и яздваивались на конце».

Паронимически соотноситься могут слова, имеющие самые разные характеристики. В стихотворении Вознесенского «Беловежская баллада» благодаря пере-

плетению прямого и переносного значений становится возможным соотнесение двух эксплицитно представленных слов – «печь» и «печаль». В последней строке 3-й строфы читаем: «Головешки в печи угостим», а 4-я строфа начинается словами «Затопите печаль в моем доме». Здесь «печь» и «печаль» могут быть соотнесены в устойчивом сочетании языка «пустить горит все синим пламенем» (ср. строки этого стихотворения: «Отвернутся друзья и подруги... Чтобы вспыхнуло все голубым...»). Слова «печь», «затопите» соотносятся со словом этого сочетания «пламенем». Слово «печаль» может соотноситься с состоянием, которое можно обозначить словами «пустить горит все синим пламенем»: «Затопите печаль в моем доме! / Поет прошлое в кирпичах. / Все гори синим пламенем кроме – / запалите печаль!». В 6-й строфе используется другое устойчивое сочетание: «Грех, что мы крепостны на треть. / Столько прошлых дров накололи – / хорошо им в печи гореть!» – и вновь проводится взаимное переплетение связанного и свободного, переносного и прямого, отвлеченного и конкретного значений слов. Так звуковая форма двух слов (в данном случае «печь» и «печаль») становится конструктивным элементом, участвующим в складывании образной системы и развертывании лирического сюжета стихотворения.

Поэты, активно использующие ПА, стремятся достичь определенного эффекта и посредством одного слова: опуская одно из входящих в устойчивое сочетание слов, поэт приводит вместо него такое слово, которое по своей звуковой форме похоже на опущенное. Этим актуализируется существующая в языковом сознании читателя устойчивая связь, на фоне которого и воспринимается новое слово. В стихотворении «Маяковскому» М. Цветаева пишет: «Вздыхнул, поплевал в ладонь: // – Держись, ломовая слава!» – (ср. обычное «ломовая сила»).

Подобный прием активно использует Вознесенский. Одно из слов обычного для языка сочетания заменяется другим очень похожим словом: «Он Ал. Михайлов – арбитражная станция нынешней поэзии» [2, т. II, с. 532]. Литературный критик сравнивается с арбитром, а все сочетание воспринимается на фоне активного в современном языке сочетания «орбитальная станция» (с возможными значениями «всеведующий», «всевидающий»). Об артисте Ливанове Вознесенский пишет: «гомерический исполнитель Ноздрева и Потемкина, этакий рубаха-барин» [2, т. I, с. 420]. Опущенное слово («парень») актуализируется устойчивой связью его со словом «рубаха –

(«рубаха-парень») и формой слова «барин», близкой к форме опущенного слова. Подобные случаи способствуют появлению в тексте значений без представления их специальных (материальных) означающих. Эти значения представлены посредством других слов, которые имеют и свои собственные значения. Одно и то же означающее актуализирует несколько означаемых: оно начинает как бы просвечивать и иным значением, не теряя при этом своего собственного значения. Так, в приведенном примере словом «рубаха-барин» актуализируется значение номинации «рубаха-парень» и вместе с тем привносится значение слова «барин». Такое виртуозное использование формы способствует повышению «удельного веса» содержания («удельной значимости») текста. В посвященном Маяковскому стихотворении «Разговор с эпитафией» Вознесенский употребляет номинацию языка «соловей-разбойник»: «Дай одного / соловья-разбойника!». Но в стихотворении, посвященном В. Бокову, Вознесенский употребляет эту же номинацию в несколько измененном (и приниженном?) виде: «соловей-работничек, / свистни сквознячком» («Величальная открытка В. Бокову»).

В другом стихотворении Вознесенский несколько раз повторяет сочетание, которое напоминает очень частоупотребительное в языке «будьте добры»: «Будьте бобры, мои годы и доли, / не для печали, а для борьбы, / встречные / плакальщики / укора, / будьте бобры, / будьте бобры!». Хотя в стихотворении «Бобровый плач» говорится о бобрах, норы которых страдают от работ, проводимых людьми на экскаваторах, поэт не ограничивается однозначностью толкования и выходит к обобщениям о взаимоотношениях людей. В направлении сближения двух планов, конкретного и обобщенного, определенную роль играет сочетание «будьте бобры», которым привносятся значения «люди», «добры» (этих слов в тексте нет) и проводится какое-то отдаленное сравнение людей с бобрами. Эти и другие дополнительные значения появляются в тексте без специальных своих означающих. В предложении «Вход уже замраморован» [2, т. III, с. 418] последнее слово входит в аттракцию с более обычным словом «замурован». В строке Маяковского: «Отдайте сумку, гражданка-тетенька, // а то укушу, / а то заражу» [7, т. VII, с. 171] последнее слово соотносится с «обычным» – «зарезу».

Указанный прием может быть построен и на использовании собственных имен. Так, Маяковским используется фамилия «Либердан», «составленная из фамилий

меньшевистских лидеров – М.И. Либера и Ф.И. Дана [7, т. XIII, с. 425]. Добавлением к этому имени слова, входящего в устойчивое сочетание, Маяковский в строке «грустное чучело осла Либерданова» [7, т. XIII, с. 266] актуализирует известный фразеологизм («Буриданов осел») и ненавязчиво, на более глубоком уровне, характеризует деятельность меньшевистских лидеров вполне определенным образом (нерешительность, вечное сомнение). В стихотворении «Вызов» Маяковский пишет об отрицательном отношении Америки к правам и неприятию им Соединенных Штатов. И, выражая неприязнь, вместо возможного (и ожидаемого) здесь «Мне бы кончить жизнь в штатах, в которых начал» поэт пишет: «Сплюнул я, / не доев и месяца // вашу доблесть, / законы, / вкус. // Мне бы / кончить жизнь / в штанах, / в которых начал» (ср. штаты – штаны).

Почти все случаи паронимии, кроме семантической аттракции, в той или иной степени связаны и с рождением художественного образа. Кроме того, что сходные в звучании слова часто ставятся в позиции фигур и тропов, рождение образности происходит из-за неожиданности связываемых по формальному признаку слов. «Паронимы, уже заранее объединенные в индивидуальном словаре поэта своей материальной близостью, провоцируют, подкашивают, в известной мере предопределяют направление развиваемых поэтом ассоциаций, хотя и не ограничивают его свободы» [3].

Связи, которые устанавливаются паронимической аттракцией, всегда являются дополнительными и способствуют семантическому обогащению художественного текста. Анализ творчества В. Маяковского и А. Вознесенского показывает, что их произведения буквально пронизаны установкой поэтов на извлечение дополнительных смысловых эффектов посредством сближения в контексте сходнозвучных слов. В творчестве поэтов XX в. нередки случаи, когда ход лирического сюжета целых стихотворений и образная структура развернутых фрагментов прозы могут существенно направляться звуковой формой ключевых слов. Можно утверждать, что прием паронимической аттракции в творчестве указанных и ряда других поэтов становится текстоформирующим и структурообразующим принципом.

Список литературы

1. Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке. – М., 1967. – С. 239.
2. Вознесенский А. Собр. соч.: В 3-х т. – М.: Худ. лит., 1983–1984.
3. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979.
4. Кадимов Р.Г. Паронимическая аттракция в русской советской поэзии. Автореферат дисс. ... канд. филолог. наук. – М., 1985. – 22 с.
5. Кадимов Р.Г. Паронимия в поэтическом тексте. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1996. – 140 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.
7. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. – М.: Художественная литература, 1955–1961.
8. Невзглядова Е.В. Явление семантического осложнения в поэтической речи // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1969. – № 2.
9. Некрасова Е.А. Словесно-ассоциативные ряды в стихотворном тексте // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1983. – № 5.
10. Пастернак Б. Воздушные пути. – М.: Сов. писатель, 1983.
11. Цветаева М. Избранные произведения. – Минск: Наука и техника, 1984.

References

1. Vishnjakova O.V. Paronimija v ruskom jazyke. M., 1967. pp. 239.
2. Voznesenskij A. Sobr. soch.: V 3-h t. M.: Hud. lit., 1983–1984.
3. Grigor'ev V.P. Pojetika slova. M.: Nauka, 1979.
4. Kadimov R.G. Paronimicheskaja atrakcija v ruskoj sovetskoj poezii. Avtoreferat diss. ... kandid. filolog. nauk. M., 1985. 22 p.
5. Kadimov R.G. Paronimija v pojeticheskom tekste. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1996. 140 p.
6. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010.
7. Majakovskij V.V. Polnoe sobranie sochinenij. V 13 t. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1955–1961.
8. Nevzgljadova E.V. Javlenie semanticheskogo oslozhenija v pojeticheskoj rechi // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1969. no. 2.
9. Nekrasova E.A. Slovesno-associativnye rjady v stihotvornom tekste // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i jaz. 1983. no. 5.
10. Pasternak B. Vozdushnye puti. M.: Sov. pisatel', 1983.
11. Cvetaeva M. Izbrannye proizvedenija. Minsk: Nauka i tehnika, 1984.

Рецензенты:

Джамалов К.Э., д.фил.н., профессор кафедры методики преподавания русского языка ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Акавов З.Н., д.фил.н., профессор кафедры литературы, ФГОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 19.12.2014.